

Н.А.Кашей

ОТ РИМСКОЙ РИТОРИКИ ОБРАЗОВАНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ РИТОРИКЕ АВГУСТИНА

Данная статья посвящена анализу развития римской риторики образования в субсидиарную риторику христианского провозглашения. Римская риторика рассматривается как инструмент социально-политического самоутверждения и воспитания совершенного гражданина. Субсидиарная риторика Августина предстает функциональной субституцией политической речи и ее общественного характера и благодаря церкви и спасительному посланию остается обязательным критерием также и для светского политического действия.

Ключевые слова: риторика, образование, риторическое самоутверждение, субсидиарная риторика

В статье [1] мы рассматривали риторику как инструмент социально-политического самоутверждения и воспитания совершенного гражданина и эти ее функциональные характеристики иллюстрировали на примере риторических концепций Цицерона, Квинтилиана и Тацита. Задача настоящей статьи проследить развитие римской риторики образования в субсидиарную риторику христианского провозглашения.

Вывод Тацита о демократии и ее риторической ангажированности [2], способствуют тому, чтобы опять обратиться к аристотелевскому пониманию практического благоразумия с его принципиально понятным риторическим строением публичности. Риторически направленный обмен мнениями в его глубинном понимании нужно идентифицировать не просто с дебатами, а должен процесс производства мнений выступать средством ориентации совместной деятельности, который в своей непрерывности порождает определенную стабильность и надежность общих условий. Требуемая относительная стабильность в сфере практических отношений обуславливает основную приемлемость учреждающего их порядка и также институты, которые воплощают этот порядок. Однако, эту приемлемость предоставляют и недемократические государства.

Было бы большим преувеличением считать, что риторика больше не играет никакой роли в римской империи, она порождает и поддерживает господство императора, а также приемлемость его общественной функции, придавая ей новое значение. Так как оно может быть обеспечено в длительной перспективе только тогда, если находит также поддержку в циркулирующих мнениях. Стабилизация господства достигает практического согласия, одновременно открываются непрерывные возможности для развития и деятельности, при этом политическое влияние риторики здесь также имеет место быть.

Нисколько не удивительно, что такой риторике ставится в упрек ее чисто пропагандистский характер, хотя оправданы ли такого рода упреки, необходимо еще соответствующим образом продемонстрировать. Представление об единственно возможной, безошибочной социально-политической практике в имперской пропаганде, во всяком случае, ничто иное как риторический инструмент, который ритором используется как оружие, чтобы бесцеремонно добиваться своих субъективных целей. Безусловно, подобная интерпретация риторической эффективности требует соответствующую публику, а, временное согласие публики не в состоянии действовать в качестве избирательного критерия для различения манипуляции и законного убеждения. Соответствующие характеристики порождения приемлемости — сами продукты риторического процесса, в котором убедительное должно с полным основанием заявить о своих приоритетных правах.

Поэтому императорский период не предстает перед глазами как время «умолчновения риторики» [3], скорее здесь происходит сдвиг направления движения риторических процессов поиска согласия с горизонтального на вертикальное. Очевидно при этом, что практический потенциал рациональности такой нереверсивной риторики необходимо ограничен. Это происходит уже от самого отказа возможности коррекции, которая предлагает выравнивание собственной позиции посредством других мнений. Определенно риторизацию императорских указов нужно интерпретировать в поздней римской империи как феномен пропаганды. Тем не менее, она по своей функции есть субститут риторического обмена мнениями, способность к производству интеграции которого здесь монополизируется, но признается как процесс необходимый.

То, что риторика выполняет как раз в императорских указах и текстах законов снова политическую функцию, не является случайностью, а следует из развития, которое можно обозначать как правовое оформление политического, и на которое римская риторика накладывает свою печать. Прежде чем юридическая сфера позже реализуется организационно в особую риторическую область, она еще предстает довольно долгое время задачей образования юриста, что способствует вместе с тем возникновению профессии юриста. Еще на ранней стадии развития империи выделяется высокая конъюнктурность судебного красноречия, которое становится для оратора самой важной областью деятельности. Подготовкой к выполнению этой задачи служат в так называемых школах декламации контроречи, в которых обсуждаются симулируемые судебные процессы. Даже если контраст между римской юридической практикой и искусственным характером изъятых примеров из греческой литературы передает иногда экзотический характер этой формы образования оратора, выполняют контроречи, тем не менее, те требования, которые предъявляют юридические будни к ораторам. Хотя как и замечает Сенека, бросая упрек в декаданс современным ораторам, что современность

ежедневно удаляется от цicerоновского апогея в развитии римской риторики. Тем не менее, в подробно реферированных им декламациях он видит законную форму риторической деятельности, которую нужно сохранить для будущего поколения. Действительно школы ораторов встречаются там, где почти исключительно занимаются образованием юристов, отвечая на потребность времени, так как возрастающие частные судебные процессы требуют образования для всё большего количества адвокатов.

В то время как риторика приспосабливается к этим новым задачам, она остается, даже, если и в сильно ограниченной форме, политически релевантной. Тем не менее, возрастающее обособление и профессионализация юридической сферы приводит предмет риторики в период поздней империи к принципиальным изменениям. Канонизация права в «*corpus juris civilis*» ведет вместе со стандартизацией юридических вопросов к письменному изложению понимания юридических феноменов. Шаблонная подготовка судебных дел в риторических декламациях поддерживает и сопровождает этот процесс, в ходе которого приобретает все большее значение растущая юридическая литература в ущерб живой судебной речи. На этот вызов риторика реагирует развитием нового жанра: «*ars dictaminis*». Искусство почтового письма и соответственно канцелярии возникает из потребностей развития практики управления и было предназначено в первую очередь для того, чтобы предлагать образцы для составления писем и документов.

Это искусство официального письма уже к XI веку авансируют как высшее проявление всей риторики. Только постепенно, а именно в Болонской школе красноречия и права, риторика избавиться в XIII веке от служебного слова юридическая в своем названии, после того, как новые жанры «*ars notaria*» и «*ars dictaminis*» окончательно откололись. Однако, потерянное влияние риторики на практическое действие, в том числе на политику, не восстанавливается. Происходит усиление влияния на письмо античной культуры, что придает тексту литературный характер. Этот шаг приветствуется современниками как прогресс. Тем не менее, это не позволяет обойти молчанием то, что в процессе развития, в котором трансформируется риторический жанр судебной речи в письменное изложение, происходит потеря самого этого жанра как собственно риторического.

Литературно ориентированное риторическое образование, которому посвятил свою жизнь Квинтилиан, прибегая весьма общо к средствам педагогики и культуры, по всей видимости, ответственно за то, что разделение политического и юридического круга задач риторики воспринимается едва ли как потеря субстанции. Это взаимосвязано не только с тем, что политическая риторика лишена своей общественной сферы деятельности, но и с имевшем принципиальное значение влиянием христианства, распространение которого приходится на ту же эпоху перехода римской республики к принципату. Христианское обучение проповеди возвращается к традиционному виду совещательной речи и приспосабливает ее к собственным потребностям. Вследствие этого впечатление полонки в пределах традиции риторики ставится под сомнение, что и отмечается риторикой, называющей себя христианской, уже с Августина.

Отмеченное впечатление создается благодаря отцам церкви, к примеру, все тому же Августину, подхватив традиционное представление о структуре риторики, они почти идеально смогли развить то педагогическое образование, которое Квинтилиан формулировал как школьное образование. Эта иная педагогически-литературная интерпретация риторики встречается у Августина с самого начала как щекотливая, прочувствованная попытка использовать языческую традицию, по меньшей мере, с формальной точки зрения. Тем не менее, при этом христиански адаптированная риторика не выдвигает цели быть искусством убеждения или посредничества при принятии решений. Прежде чем речь может пойти о том, чтобы найти подход к публике, то есть к общине, нужно сначала самостоятельно открыть доступ к тексту. Из особенного свойства текста: быть в определенной мере записью произнесенной Богом речи, следует риторически двойственная роль христианского теолога, который считается сначала слушателем и только затем оратором. Уже вначале в «Доктрине христианина» Августин об этом заявляет со всей отчетливостью, что речь должна идти о двух вещах при каждом занятии с текстом: изыскание того, что должно пониматься (*modus inveniendi*) и посредничество понятного (*modus proferendi*).

Чтобы риторика сразу же могла быть использована для решения обеих задач посредничества, не только как гомилетика, но и, прежде всего, как экзегеза, вероятно, должна была произойти подготовительная работа, которую собственно и выполнил Квинтилиан, создав свою школьную риторику. При таком расширительном понимании риторики от чтения классики до ее истолкования только шаг, который Августин впервые делает со всей ясностью: обучение, может открывать Истину только в наставляющем чтении (*argire*), для которого риторика предоставляет герменевтическое снаряжение. При этом классическое обучение инвенции переходит в модифицируемой форме в новую доблесть, она (инвенция) понимается как интерпретация уже данного текста. Его истолкование, а не истолкование политической общности, в котором риторика Аристотеля находила свои средства, становится ее новой основной задачей. Динамичный компонент социально-политической практики, который лежал на поверхности в постоянно обновляемом истолковании и новом определении морального облика, полностью теперь покрыт занавесом канонического текста.

За внешней поверхностью традиционной формы скрывается существенная перемена, которой теперь довлеет над совещательной речью: христианская гомилетика, по сути, не может предлагать альтернативных действий, который не вытекают из содержания Святого писания, именно поэтому нет выбора, поскольку требуется безальтернативность. Риторические стратегии становятся компонентом проповеди только после обнаружения своей пользы в делах посредничества. Их задачи недвусмысленно заключаются в «*et bona docere et mala dedocere*». Итак, добро и зло не нужно устанавливать и выкладывать, они уже однозначно выявлены.

Риторическая «docere» или «probare», которую нужно понимать у Цицерона как «основу аргументации», истолковывается таким образом у Августина как «обучающее средство» несомненно предположительного содержания. Августин последовательно подчиняет измерения риторических целей убеждения, которые у Аристотеля известны под названием этос и пафос, обучению как его внешние аспекты. Основам аргументации предоставляется лишь вспомогательная функция. Только тогда, когда община игнорирует правду, проповедник может воспользоваться аргументацией, чтобы побеждать.

Риторическое образование по Цицерону находит в ее августиновской переформулировке точку опоры и вместе с тем тот практический масштаб, который она может предлагать конкретной деятельности с позиции более высокой риторической морали. Возвышающаяся над всеми сомнениями целостная личность оратора, которая должна найти критерии «истинной» риторики, должна была быть утверждена в фигуре императора как олицетворении силы и полноты власти, но не получилось убедительно. Лишь освобожденный «доктором христианина» цicerоновский оратор, поднимающейся над каждым сомнением, имеет в руках абсолютный масштаб красноречия. Помимо этого, важность этой риторики, завоевавшей авторитет благодаря своей теоретической основе, заключается не только в том, что благодаря Августину риторика возвращает своему имени свою идентичность, но и что риторика как дисциплина в христианском средневековье и как часть триумвирата занимает достойное место в учебном каноне.

Можно такого рода христиански инструментализированную риторику назвать «субсидиарной риторикой». Её отличает от прецепторального своеобразия скажем «истинной риторики» Платона не истинность источника, а по-разному оцениваемая доступность истины, на службе которой она состоит: иначе говоря, исключительная философская идея доступности истины становится истиной проявленной в письменной религии, как она представлена в христианстве в форме авторитетного Священного Писания. Что следует из философской и/или религиозной доступности истины? В обоих случаях общественное предназначение риторики как средства информации в процессе дискурсивного поиска истины теряет свой функциональный смысл; во всяком случае, можно удостовериться в собственной слепоте, которая самоочевидно обнаружилась и соответственно истину поглощает, чтобы затем преследовать на собственный манер видимость истины. Упадок роли публичной речи в платоновских поисках истины также характерен и для аналогичного христианского поиска божественной истины, которая любой скептицизм академиков (для риторики обязательный) отклоняет. В силу недоступности языкового выражения истины риторика имеет дело только лишь с «последствиями обладания истины», то есть, с проблемой убедительного по возможности более эффективного посредничества. Таким образом, Августин подтверждает известную концептуальную альтернативу: риторика возможна либо как совещательное средство информации для нахождения практической определенности, либо как инструмент авторитетного и соответственно догматического посредничества в выражении истины.

Августиновское разрешение второй альтернативы имеет далеко идущие практические последствия в отличие от платоновского решения, у которого идеальное государство так и оставалось утопией при отсутствии малейшего шанса для практического осуществления. Концепция риторики Августина становится действенной благодаря функционированию христианской публичной речи и предъявлению, одновременно, конкретных прав: площадь и без того осиротевшего демократического форума заменяет церковное помещение, на место общественных речевых шоу приходит дидактическая проповедь, и на место пропаганды на государственном уровне, предписанных моделей умиротворения, приходит целительное Священное Писание и учение о справедливости: «...народы стекаются в церкви, где слушают, как хорошо они должны проводить эту временную жизнь, чтобы заслужить после нее блаженную и вечную, где с возвышенного места и открыто для всех провозглашается Священное Писание и учение о справедливости, которое те, кто его исполняет, слушают с пользой, а кто не исполняет — с осуждением» [4, II, гл. 28].

В определенном указании на публичность христианского провозглашения не нужно, конечно, видеть претензию полемического толка, что спасительная истина, наконец, становится всем доступной. В этой связи любопытна августиновская характеристика подобных претензий в язычестве: «...умилостивление подобных божеств... все это глазами и ушами публично изучало целое государство: видело, что все это нравится богам, и потому верило, что именно это — пример для подражания, а отнюдь не то, что говорилось (если оно вообще говорилось) немногим и столь секретно» [4, II, гл. 27].

Церковная кафедра должна и заменяет «паганую» трибуну оратора, о которой так ратовал Цицерон, и философскую беседу с ее наивно идилической рефлексией, которой наслаждался Августин в дохристианский период своей жизни. Риторика должна возвратиться в общество в форме единой, точнее говоря, в форме другой риторики; она должна изменить традиционные земные представления о гласности, так же установить границы града Божия и земного государства и вместе с этим учредить различия между верхом и низом, между господином и слугой, между указующим и повинующимся, между государством и его рычагами, между римлянином и варваром, между культурным языком и варварской идиомой. Так как град, который понимает себя как град Божий, как «находящийся в земном странствовании» (*peregrinus*) и, соответственно, как «пленник», может игнорировать такие различия, «не придавая значения тому, что есть различного в нравах, законах и учреждениях, которыми мир земной устанавливается или поддерживается» [4, XIX, гл. 17]. Соответственно, риторика будет в таком государстве совершенно другой риторикой, а именно рупором совершенно другой политики. Тот, кто призывает к изменению республиканского характера риторики, должен был сначала указать, что необходимо изменять в этом отношении.

В действительности, эта христианизированная риторика является другой: сила ее убеждения покоится не на манипуляторских трюках продажных риториков, а на авторитете божественного Слова, которому она, во всяком случае, своим знанием об убеждающем эффекте языка служит вспомогательным средством, чтобы излагать его смысл в публичной речи способным слышать. Провозглашение адресуется слушателю, конечно, не только для его восприятия в чисто техническом или эстетическом смысле, но и для постижения его сущности: оно направлено не только на то, чтобы заполучить себе слушателей или затеять диспут об убедительности произнесенного, но и преднамеренно вынуждает принимать решение: либо верить божественному Слову и исполнять, либо отказываться от него. Экзистенциальная тяжесть выбора между спасением и соответственно «вознаграждением» (*praemium*) или «судом» (*iudicium*) не позволяет, конечно, проявиться политическому характеру принимаемых решений, которые приобретают смысл только в подчинении возможных альтернатив действия. Христианское провозглашение только копирует модель форумов общественного обсуждения. Оно есть функциональная субституция политической речи и ее общественного характера благодаря церкви и спасительному посланию, которое остается обязательным критерием также и для светского политического действия.

Такого рода теоретическая стратегия освобождает риторику от всех исходных препятствий, которые стоят на пути нейтрального понимания ее инструментария. Избавление от земной политики является одним из нормативных требований этой стратегии, вследствие чего только и открывается для частного лица свободное от политики пространство. Как эффективное средство убеждения риторика может усыновляться христианским провозглашением только в том случае, когда ей удастся быть таким средством, тем самым, эффект ее специальных правил убеждения обосновывается действенностью теоретических положений. Иначе говоря: если это ей удастся, риторика предстает как автономная (впервые психологически окрашенная) наука, как теория.

Современные претензии на новую научную риторику, по сути, являются ничем иным как тем, к чему стремился и находил в риторике Августин: систематизацию удостоверенных опытом, теоретически реформулированных и дидактически кодифицированных «наблюдений» практической речи в условиях ее эффективности. Эта систематизация осуществлялась Августином в рамках традиционной риторической научной системы, которую он излагал в период своей 13-летней преподавательской деятельности вплоть до принятия христианства, что подтверждает его ранний диалог 386 года «О порядке». Августин понимает «закономерности» (*leges*) или «порядок» (*ordines*) (риторики, а также логики и других наук) эффективной речи (или правильного мышления) как теоретическое отображение эмпирически наблюдений, силу которых теория открывает, правда, однако, декретировать не может. Эта установка находит дальнейшее развитие в «Доктрине христианина» (кн. II, гл. 36), здесь же (кн. IV, гл. 7) находится еще более удивительное высказывание о том, что таким образом установленные правила риторики верны, даже, если злоупотребили ли бы ими для посредничества ошибочных высказываний.

Чтобы, не только христианизированная риторика, но и весь корпус риторического искусства содействовал установлению истины, необходимо взаимобратное соединение с божественным происхождением истины, которую наука позволяла бы совершенно пропедевтически оправдывать. Для риторики как теории публичной речи этот шанс ее легитимации значил, во всяком случае, что она способствующая поиску истины дисциплина: она может быть существенной деталью теории христианской речи в граде Божием и тем самым вновь обеспечить публичной речи оригинальный способ функционирования.

При оценке открывшихся функциональных возможностей риторики, конечно, нельзя переносить возможности в сфере гласности современной проповеди на позднеантичный и соответственно раннехристианский мир. Она была для своего времени, популярной и успешной формой общественной коммуникации, которой известные ораторы и проповедники умело пользовались как политическим инструментом, скажем, как влиятельный Амвросий в Милане или тот же Августин на протяжении 39-летней проповеднической практики. Риторика как общественная практика речи, несомненно, обязана в значительной степени своим существованием именно этой коммуникативной форме. И так, теория общественной речи сохраняется Августином в форме субсидиарного христианского провозглашения, обеспечив тем самым риторике необходимый плацдарм для непрерывного развития, что и происходило на протяжении столетий в рамках теории проповеди и до сих пор присутствует внутри почтительных отношений между риторикой и гомилетикой.

Однако, в целом риторика систематически не смогла извлечь пользу из этого положения, наоборот: как юридическое *ars dictaminis*, так и христианское *ars praedicandi*, являясь наследниками судебной и совещательной речи, далеко отошли от риторики как средства практической ориентации. По отношению к тексту в этих обоих обозначенных выше видах риторического искусства риторика становится вторичной инстанцией, посредничество в передаче содержания поручается ей, но его происхождением она больше не занята.

1. Кашей Н.А., Китаева Г.П. Риторика как педагогическое предприятие по образованию и воспитанию древнеримского государственного мужа // Вестник НовГУ. 2015. № 4 (87). Ч. 1. С. 106-110.
2. Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения. / Пер. А. С. Бобовича. 2-е изд., стереотипное. (Серия «Литературные памятники»). СПб: Наука, 1993. С. 41.
3. Цицерон Марк Туллий. Об ораторе // Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. Кн. III. П. 24.
4. Августин Блаженный. О граде Божием. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 1296 с.

References

1. Kashchey N.A., Kitaeva G.P. Ritorika kak pedagogicheskoe predpriyatie po obrazovaniyu i vospitaniyu drevnerimskogo gosudarstvennogo muzha // Vestnik NovGU. 2015. № 4 (87). Ch. 1. S. 106-110.
2. Korneliy Tatsit. Sochineniya: V 2 t. T. 1. Annaly. Malye proizvedeniya. / Per. A. S. Bobovicha. 2-e izd., stereotipnoe. (Seriya "Literaturnye pamyatniki"). SPb: Nauka, 1993. S. 41.
3. Tsitseron Mark Tulliy. Ob oratore // Tsitseron Mark Tulliy. Tri traktata ob oratorskom iskusstve. M., 1972. Kn. III. P. 24.
4. Avgustin Blazhennyi. O grade Bozhiem. Mn.: Kharvest, M.: AST, 2000. 1296 s.

Kashchey N.A. From Roman rhetoric of education to subsidiary rhetoric of Augustine. This article is devoted to the definition of the place of rhetoric in social and political life of the Roman society. The rhetoric is seen as an instrument of social and political self-determination and committed citizen education, those of its functional characteristics are illustrated by the example of rhetorical concepts Cicero, Quintilianus and Tacitus.

Keywords: rhetoric, education, rhetorical self-affirmation.

Сведения об авторе. Н.А.Кащей — доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии; Гуманитарный институт Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; Nikolay.Kashchey@novsu.ru

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.12.2015.